

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав Коротин

**ВТОРАЯ ПОПЫТКА
КОЛЧАКА**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Н. Кобякова*

Коротин, Вячеслав Юрьевич.

К68 Вторая попытка Колчака / Вячеслав Коротин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-106463-1

На рассвете 7 февраля 1920 года члены Иркутского ревкома вывели на лед Ушаковки адмирала Колчака — бывшего исследователя Арктики, бывшего командующего Черноморским флотом, бывшего верховного правителя России... Прозвучала команда «Пли!». Еще через пару минут тело Колчака сбросили под лед реки...

Последней мыслью адмирала перед смертью была: «Ошибок случилось немало, доведись всё повторить, я бы их не совершил... Господи, если бы я мог вернуться к началу пути!». И похоже, что кто-то услышал отчаянный призыв — живой и вполне здоровый Колчак вынырнул в ледяных водах Балтики образца 1914 года! Сумеет ли адмирал воспользоваться второй попыткой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коротин В. Ю., 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
ISBN 978-5-04-106463-1

Глава 1

СОЛЁНАЯ КУПЕЛЬ

— Перископ по курсу! — рулевой Тимоха Соловьёв одновременно с криком крутанул штурвал влево, и «Пограничник» повалило в циркуляции.

Ну вот, надо же было какой-то подлодке высовывать на свет божий свою оптику именно здесь и сейчас. Но вроде бы обошлось — бурун от перископа уходил из-под таранного удара миноносца, и можно было больше не опасаться столкновения.

— Человек за бортом! — резануло криком с кормы.

— Малый ход! — немедленно отреагировал командир. — Боцман! Кто кувыркнулся?

— Ща узнаю, вашвысокобродь, — немедленно отозвался Сизов и побежал к юту.

В этот же момент прямо с обреза минных рельсов в достаточно ещё прохладные волны Балтийского моря сиганул какой-то матрос.

— Кто за бортом? — боцман не успел даже запыхаться.

— Так «флажок», наш бывший, — немедленно отозвался минёр Свиридов, швыряя в волны спасательный круг. — Как только накренились, так и унесло Александра Васильевича. Вон Колян сейчас его достанет. Если успеет, конечно...

А успевать требовалось. Как можно скорее требовалось. Ибо голова капитана первого ранга Колчака уже скрылась под водой, а до плывущего к нему матроса оставалось ещё метров двадцать.

Николай Фомин и сам не понимал, что заставило его прыгнуть в холодные волны, как только с борта эсминца туда упал офицер. Офицер из штаба командующего Балтийским флотом. Никакого особого пиетета матрос к данному конкретному каперангу не испытывал, на «Пограничник» переведён был недавно, прежнего командира не знал, да и занудничал тот изрядно при осмотре минных аппаратов... Вероятно, просто сработал рефлекс — моряк тонет, и я ближе всех... Кто, если не я?

А плыть в одежде было крайне тяжело, да и вода отнюдь не тёплая. А ведь офицера явно обо что-то приложило головой перед тем, как он за борт улетел, — больно быстро тонет. Николай замахал руками уже в совершенно чемпионском темпе, чтобы поскорее добраться до уходящего в пучину флаг-офицера. Уже почти...

Волны сомкнулись над головой Колчака, и Фомин, сделав ещё несколько мощных гребков, нырнул.

Видимость под водой та ещё — Николай различал только некое тёмное пятно. Но было со-

вершено понятно, что оно и является целью. Ещё несколько гребков... Хватать за что-то там из куртки, и наверх! Лёгкие уже совершенно жестоко обжигало изнутри нехваткой кислорода. Наверх!

А вот подниматься оказалось совсем нелегко — мало того, что собственная одежда намочла, так и спасаемый офицер весил немало и тянул ко дну. Ушло секунд двадцать, прежде чем удалось глотнуть воздуха. Каперанг, разумеется без сознания, поэтому Фомину пришлось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удерживать на поверхности не только себя, но и штабного.

На эсминце решили не тратить время на спуск вельбота, и «Пограничник» самым малым приближался к спасаемым. С борта полетел конец со спасательным кругом, в который Николай вцепился намертво. Матроса с офицером сноровисто подтянули к борту и быстренько втащили обоих на палубу.

Колчака немедленно унесли в каюту, а потом обратили внимание и на матроса:

— Спасибо тебе, Фомин! — потрепал по плечу Николая командир эсминца, капитан второго ранга Руднев. — Потеряй мы штабного офицера, командующий всех нас с кашей съел бы. В лазарет его! Переодеть в сухое, чаю горячего. И бутылку рома!

Геройский минёр и сам вполне мог свободно передвигаться, но его бережно повели под руки боцман и ещё один матрос. По пути следования данной тройцы оставались лужа за лужей...

— Ох и «повезло» же вам, Владимир Иванович, — подошёл к командиру старший офицер миноносца Дудкин. — В первом же плавании на «Пограничнике» чуть не потеряли штабного офицера. Да ещё какого — Эссен ведь в нём души не чает, не случайно к себе взял.

— Да не в этом дело, — отмахнулся Руднев. — Я ведь Александру Васильевичу в любом случае обязан — он мне передал, наверное, лучший эсминец на флоте. За что, кстати, и вам очередной раз хочу сказать спасибо, Василий Федотович, — я очень доволен командой.

— Благодарю за лестный отзыв, — обозначил полупоклон лейтенант. — Вернётесь на мостик или проведаете пострадавшего?

— Я к Александру Васильевичу. Попрошу пока вас покомандовать. О! Лодка всё-таки всплывает, мать её! «Окунь», что ли?

— Вроде она. Владимир Иванович, вы уж задержитесь и сами выскажите Меркушеву всё, что мы оба думаем по поводу его маневрирования.

— Пожалуй, да... Идёмте на мостик.

Над волнами появилась уже не только рубка субмарины, но и корпус. Точно — «Окунь».

— Василий Александрович! — заскрежетал жестяным голосом через рупор Руднев. — Ты что, жить не хочешь? Если бы не мой рулевой — протаранили бы вас. И нам чиниться потом, и вам рыб кормить.

— Флажками отвечают, — хмыкнул стоящий рядом сигнальщик. — Прощения просят: «Извините! Надеемся, что у вас всё в порядке».

ВТОРАЯ ПОПЫТКА КОЛЧАКА

— Отмаши в ответ: «Почти. Счастливого пути!»

— Есть! — и матрос проворно засемафорил флагами.

— Ваше высокоблагородие, — взлетел на мостик вестовой Дулин, — там фершал вас просит...

— Что с Колчаком? Умер? Не может быть! — почти ошалел Руднев.

— Никак нет! — поспешил успокоить командира матрос. — Очнулся. Но странный какой-то...

Глава 2

ЛЕДЯНАЯ КУПЕЛЬ

Лязгнул отпираемый засов, скрипнула дверь, и в камеру хлынул свет. Не то чтобы очень яркий — тюремные коридоры освещались достаточно скромно, но, по сравнению с полной темнотой, которая царила здесь до этого, разница была ощутимая.

В дверном проёме обозначился силуэт.

— Гражданин Колчак, — адмирал узнал голос Чудновского, — на выход!

«Ну вот и всё, — подумал свергнутый диктатор. — Явно не на утренний кофе приглашают...»

— Через минуту буду готов.

— Да хоть через две, — хмыкнул руководитель Чрезвычайной следственной комиссии. — Не по боевой тревоге мы вас разбудили.

— Умыться можно?

— Уже умоетесь скоро. Одевайтесь!

Самуил Чудновский уже во время допросов вёл себя крайне хамски по отношению к подследственному. Если эсеро-меньшевики, которым передали Колчака чехословаки, были во

время следствия достаточно корректны, то сменивший их большевистский представитель постоянно ущемлял и унижал бывшего сибирского правителя.

— Я готов!

— Выходите и следуйте за мной.

В коридоре ждали ещё трое дружинников с винтовками, даже с метрового расстояния явственно ощущался запах перегара — или им перед расстрелом по бутылке выделили, или это просто их стандартное состояние...

Чудновский двинулся первым, за ним один из конвоиров, затем Колчак, замыкающими пошли ещё двое.

Во дворе тюрьмы уже стояли бывший премьер колчаковского правительства Пепеляев, военный комендант Иркутска Бурсак и ещё трое дружинников. Пепеляев был бледен, но держался относительно спокойно. Адмирал встал рядом.

— Мужайтесь, Виктор Николаевич.

— Ни о чём не жалею, Александр Васильевич, — слегка подрагивающим голосом ответил Пепеляев. — Доведись всё повторить, я поступил бы так же, как поступил.

— А я жалею. Ошибок случилось немало, доведись всё повторить, я бы их не совершил... Господи, если бы я мог вернуться к «началу пути»! — Адмирал перекрестился.

— Гражданин Колчак, гражданин Пепеляев, — заговорил Чудновский. — За преступления против революции и русского народа Чрезвычайной комиссией города Иркутска вы оба приговорены к расстрелу.

— Без суда?

— Оставьте, адмирал, — усмехнулся Бурсак. — Какой суд? Военное время. Вы воевали против революции с оружием в руках. Вина ваша очевидна и не требует доказательств.

— А Виктор Николаевич? Он не воевал.

— Прекратите словоблудие, — прервал Колчака Чудновский. — Приговор окончательный и будет приведён в исполнение. Не надейтесь...

— Не надеялся. К какой стенке нам встать?

— Не торопитесь к стенке. Прогуляемся ещё. Следуйте с конвоем.

Распахнулись тюремные ворота, и приговорённых повели за стены.

Для сибирского февраля погода стояла относительно мягкая — градусов десять-двенадцать ниже нуля, под ногами поскрипывал снег, над головой щедро распахнуло своё роскошное величие звёздное небо.

Минут через пятнадцать подошли к берегу реки Ушаковки возле Знаменского женского монастыря. Недалеко виднелась обширная прорубь.

— Нас что, даже не похоронят? — обернулся понявший всё Колчак к руководителю Чрезвычайной комиссии.

— Неужели вы думаете, что я заставляю своих солдат ковырять мёрзлую землю ради ваших предрассудков? — пожал плечами Бурсак. — А вам будет уже всё равно...

Ну, понятно. Не унижаться же перед этими недочеловеками...

— Ясно. Где нам встать?

— Стойте, где стоите. Можете помолиться, если хотите.

— Шинель пусть сымет — больно справная, — донеслось от дружинников, — а этот — шубу.

Колчак демонстративно застегнул шинель на все оставшиеся пуговицы и вызывающе посмотрел на палачей. Чудновский ответил ненавидящим взглядом, но решил воздержаться от совершенно не вяжущегося с актом казни инцидента с насильственным сдиранием одежды.

— Сам потом отстираешь и заштопаешь. Становись!

Шестеро дружинников построились в шеренгу в пятнадцати шагах от приговорённых. К правому флангу подошёл Бурсак. Адмирал снял фуражку, перекрестился и снова надел её.

— Тоовсь! Пли!

Шесть вспышек перед глазами, два удара в грудь... Темнота...

* * *

— Фрол, а этот дышит ещё! Доколоть, что ли?

— Охота тебе штык пачкать. Не выплывет, по-ди. Давай снимай шинель, а я сапоги пока.

Дружинники запыхтели, избавляя полутруп от ненужной уже ему одежды.

— Ты глянь — а пуля-то аккурат в Георгиевский крест угодила, потому небось вбок и ушла.

— Ну и ладно, давай мундир с него сымай, вместе с орденом, яти его!..

Мёртвого Пепеляева и полумёртвого Колчака раздели до нижнего белья, за руки за ноги рас-

качали над прорубью и швырнули в тёмные воды Ушаковки.

Сознание ещё не до конца покинуло адмирала, и он почувствовал, как ледяная вода сначала обожгла тело, а потом стала заполнять и лёгкие, судорожно пытавшиеся втянуть в себя воздух, которого вокруг не было...

* * *

— Это что ещё за явление! — меньше всего Колчак ожидал увидеть сейчас данную обеспокоенную усатую физиономию. — Ты кто?

— Так что, ваше высокоблагородие, фельдшер миноносца «Пограничник» Фёдор Зиновьев.

Сознание и память медленно возвращались, но легче от этого не становилось. Было очевидно, что находится он в каюте, причём в офицерской каюте именно «Пограничника»: свой бывший эсминец Колчак знал как свои же пять пальцев — это та самая каюта, в которой жил Эссен, когда выходил с ними в море. Часто выходил — «Пограничник» был его любимым, практически флагманским кораблём...

В памяти всплыло... Да нет, не всплыло — вспыхнуло событиями: мировая война, две революции, гражданская, расстрел... Таких снов не бывает, снов, где помнишь события многих лет и чуть ли не каждый день из них...

Или вот такой он — «Рай для моряков» — вернуться на любимый корабль и... Бред!

Тем более, что боль в груди ощущалась вполне конкретно. Боль от пулевых ранений, полученных на льду Ушаковки.

— Александр Васильевич, как себя чувствуете? — в каюту вошёл ещё один моряк в форме капитана второго ранга.

Руднев, узнал Колчак. Именно ему он сдавал эс-минец, переходя в штаб командующего флотом.

— Здравствуйте, Владимир Иванович.

— Здравствуйте, Александр Васильевич. Вы хорошо себя чувствуете?

— Сносно. Я надеюсь, что вы меня не отвезёте в бедлам, если я спрошу, какое нынче число?

— Шестнадцатое июня, — слегка обалдел Руднев.

— А год?

— Четырнадцатый, — ещё больше удивился кавторанг, надеясь, что называть тысячелетие и век будет излишним.

— Изрядно каперанга головой приложило, — буркнул фельдшер. — Знаете, ваше высокоблагородие, пользуясь своей властью, попрошу вас уйти. Моему пациенту нужен покой.

— Но что с Александром Васильевичем?

— Головой ударились, воды нахлебались, чуть господу душу не отдали... Бывает. Временное помутнение рассудка.

— Понимаю... Желая скорейшего выздоровления, Александр Васильевич! — кавторанг козырнул и вышел.

— Мы где, братец?

— Дык... — непроизвольно вытер ладонью усы фельдшер. — У Сворбе вроде как.